

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ТАЙНА ГИБЕЛИ

СЕРГЕЯ

ЕСЕНИНА

«ЧЕРНЫЙ
ЧЕЛОВЕК»
ИЗ ОГПУ

ЗИНАИДА АГЕЕВА
ГЕННАДИЙ СМОЛИН

**Геннадий Александрович Смолин
Зинаида Михайловна Агеева
Тайна гибели Сергея Есенина.
«Черный человек» из ОГПУ**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26912702

Геннадий Смолин, Зинаида Агеева. Тайна гибели Сергея Есенина.

«Черный человек» из ОГПУ: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906979-82-7

Аннотация

Вот уже более 90 лет продолжают споры о причинах и обстоятельствах смерти гениального поэта Сергея Есенина, найденного в номере гостиницы «Англетер» («Интернационал») повешенным, со следами порезов на запястьях и трудно объяснимыми травмами. Уникальность данной книги в том, что под одной обложкой здесь объединены прямо противоположные точки зрения на это роковое событие. Писатель Геннадий Смолин в поиске истины опирается как на архивные документы, так и на сведения, предоставленные ему полковником МВД Эдуардом Хлысталовым, проводившим свое частное расследование еще в советские времена. Врач-психиатр Зинаида Агеева, долгое время работавшая в клинике им. Кащенко, где незадолго до трагической гибели находился поэт и где он, к слову, создал свое знаменитое и любимое всеми стихотворение о «клене

заледенелом», представляет вниманию почитателей творчества Есенина патографию его личности и излагает свой взгляд на его трагическую судьбу. Объединяет авторов одно – любовь и уважение к Поэту.

Содержание

Геннадий Смолин. Тайна гостиницы «Англетер», или Меморандум сыщика Хлысталова	6
От автора	6
Вместо пролога	10
Увертюра	14
Часть первая	17
Экспресс «Сапсан». Питер. Гостиница «Англетер»	17
Константиново есенинское	34
Танцующая Айседора	65
Заговор. Действие развивается	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**Геннадий Смолин,
Зинаида Агеева
Тайна гибели Сергея
Есенина. «Черный
человек» из ОГПУ**

© Агеева З. М., 2017

© Смолин ГЛ., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Геннадий Смолин. Тайна гостиницы «Англетер», или Меморандум сыщика Хлысталова

От автора

Многие события жизни Сергея Есенина, описанные в книге, вступают в противоречие с распространенными (и даже общепринятыми) версиями его биографии. Однако автор считает, что он вправе изложить собственную точку зрения на жизнь и гибель одного из любимых в России великих национальных поэтов.

Сергей Есенин

Если читателю покажется, что описанные в книге события не могли иметь места, то это его право. Если же читатель примет изложенную в книге версию, автор будет рад приветствовать в нем своего единомышленника.

Сергей Есенин не уехал на постоянное место жительства ни в США, ни в Европу, куда пыталась зазвать его любимая им женщина, Айседора Дункан. Он выбрал для себя Россию, СССР, родину, без которой не мыслил своей жизни, своего творчества.

Но в новой России чуждые народу политиканы поставили новую идеологию превыше привычных норм и жизненного уклада, искореняли все то, что так или иначе было связано с рухнувшей Российской империей, боролись не на жизнь, а на смерть с яркими носителями идеалов великой русской поэзии и литературы. Отсюда такая жесткость и непримиримость к представителям «вчерашнего» прошлого и идеологически «неправильного» настоящего.

Яркий волшебный свет творческой личности Сергея Есенина резал номенклатурным адептам новой жизни глаза, заставляя их сомневаться в своем собственном величии, избранности и непогрешимости.

* * *

Выражаю благодарность полковнику МВД Э. А. Хлысталову, который первым из есениноведов неожиданно и гром-

ко заявил тему «Убийство поэта Есенина»; исследователю, писателю Виктору Кузнецову, продолжившему разрабатывать эту тему; а также академику РАН Александру Портнову за консультации и помощь в аналитическом расследовании «Дела Есенина».

Вместо пролога

Множество тайн и загадок гибели великого русского поэта Сергея Александровича Есенина и сегодня побуждает исследователей возвращаться к документам, фактам и преданиям тех стародавних лет в надежде, хотя и призрачной, докопаться до истины.

Автором собран и обработан богатейший, в том числе архивный материал, заново открывший или существенно уточнивший важные вехи трагической биографии Есенина.

Тут и акты, и протоколы и прочие документы о расследовании «самоубийства» поэта, и новое видение событий девяностолетней давности; воспоминания о Есенине его друзей и врагов, а также донесения о нем агентов ОГПУ; письма самого Есенина, новое прочтение его поэм «Страна негодяев», «Черный человек»; знаковые поэмы «Анна Снегина» и «Пугачев».

Особое внимание уделено новому изучению документов, связанных с гибелью поэта, без которого невозможно понять и принять фантастическую фигуру поэта Есенина; судьбу его «предсмертного» стихотворения-элегии «До свиданья, друг мой, до свиданья!..». Приведено и письмо Л. Троцкого «Памяти Сергея Есенина», которое прежде не публиковалось, а было зачитано во МХАТе 18 января 1926 года артистом Качаловым на вечере памяти поэта.

В книге представлены документы, выводы экспертов, рассказы о Есенине его современников, отрывки из мемуаров, дневников, письма его друзей и врагов, а также доносы, докладные записки агентов ОГПУ-НКВД и другие неизвестные прежде эксклюзивные материалы, позволяющие нам по-новому взглянуть на жизнь и творчество Сергея Есенина.

Некоторые скептики уже выражали свои сомнения относительно правдоподобности выбранного преступником или преступной группой способа устранения С. А. Есенина – убийства. Разумеется, это был суицид, мотивированный психическим состоянием поэта, его безысходной загнанностью в угол. Дирижерам этого кровавого спектакля нужно было заставить добропорядочных граждан поверить в самоубийство поэта, который добровольно залез в петлю, пытаясь таким образом разрешить все свои проблемы.

Чего в действительности опасались те, кто устранял Есенина? Свои последние произведения – поэмы «Черный человек» и «Страна негодяев» – поэт посвятил тому постреволюционному кошмару, который восторжествовал в двадцатые годы XX века. Есенин перестал бы быть Есениным, утратил бы свою независимость и право закончить ту же «Страну негодяев». Для Сергея Александровича не имело значения, понравилось ли произведение тогдашним кремлевским вождям или нет. Дело в другом: создав поэмы «Страна негодяев» и «Черный человек», Есенин ясно дал понять властям предрежащим, что не собирается «перестраиваться»,

скажем, как писатель Алексей Николаевич Толстой, который тонко чувствовал конъюнктуру момента, или же как сервильный литератор Илья Эренбург.

Агентура ОГПУ работала тогда мобильно, масштабно и на высоком уровне. Кроме того, «коллективный Сальери» жил-был и здравствовал в СССР. Нашлось достаточное число высокопоставленных лиц, разглядевших в таких поэтических произведениях Есенина, как «Страна негодяев» и «Черный человек», контрреволюционные послы, безусловно, опасные выступления против существующего режима. Если уж мнение друзей создавало у них впечатление чего-то истинно неповторимого и единственного в своем роде (а Есенин был убежден в этом), то можно себе представить мнение иерархов Кремля и мощного аппарата дозора (ОГПУ-НКВД).

Эта борьба разворачивалась на конкретном политическом фоне с жесткими идеологическими послы, который не могли не учитывать ни «коллективный Сальери», ни идеологическая инквизиция высших иерархов партии.

Борьба за власть на всех фронтах в то время была на повестке дня. И в связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что руководители ОГПУ, напрямую занимаясь тайными организациями тамплиеров и антропософов в кругах творческой интеллигенции, были одними из первых, кто, преследуя широким фронтом инакомыслие, увидел в поэмах «Черный человек», «Страна негодяев», «Пугачев» не только

острую сатиру на существующий режим, но и неприятие навязываемых ценностей.

Увертюра

Adagio maestro¹

– ...Так кто ж ты наконец?

– Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...

(...Ein Teil von jener Kraft,

Die stets das Böse will und stets das Gute schafft...)

И. В. Гете. «Фауст»

Заранее предупреждаю, что изложенное ниже находится за гранью человеческого понимания. Хотя с неискушенной точки зрения это невыдуманная история жизни и смерти великого русского поэта Сергея Есенина. Многочисленные документы и рукописи оказались в моих руках не случайно (теперь я прекрасно понимаю это!), достались в качестве презента, если, конечно, это можно назвать презентом. Передал мне все это богатство Эдуард Александрович Хлысталов, следовательно с легендарной Петровки, 38, полковник МВД. Он оказался человеком, чья отвага и решительность потрясли меня. Помочь ему я не смог, смог лишь полюбить за мудрость, профессионализм и непримиримость к несправедли-

¹ Медленно и величаво (ит.).

вости. Как духовного отца, как человека, не способного поступиться своими принципами. Но все по порядку...

Нынче я осведомлен обо всем этом гораздо больше или даже, скажем так, чересчур хорошо. Я понял, что тех смельчаков, которые осмеливались говорить правду, слишком уж часто подстерегала смерть. Но стоит ли жить иначе, как простейшие микроорганизмы, как растения?

За почти столетнюю историю, которую поведали мне пожелтевшие странички документов и писем, они были опалены огнем души множества людей. Огненный смерч вовлек этих смельчаков в бешеный вихрь, которому не было сил противиться.

По наитию я зримо чувствовал: пришел мой черед. Я последний из той когорты людей, кого бушующее пламя подхватило и закружило в неудержимом сатанинском танце, чтобы затем увлечь в бездну.

Вывод напрашивался сам собой: я обязан предать гласности то небольшое, что мы знаем, или нам кажется, что знаем, о великом русском поэте Сергее Александровиче Есенине. Ради чего? Ответ прост: я надеюсь, что сумею – пусть даже на мгновение – прервать безумную пляску огненного смерча, затеянную Сатаной и его свитой, и тем самым лишить его миссию злой колдовской силы, чтобы испепеляющий огонь не успел поглотить и моих единомышленников заодно со мной. Задача не из легких, если учесть, что у тебя на глазах колдовские силы ангелов тьмы обольщают агнцев

божьих и дразнят смерть, кружа ее в мучительном сладостном ритме сатанинского танца.

Преуспею ли я в своих расчетах – не ведаю, но рассчитываю на это, глубоко верую.

Есть одна вещь, которую я хотел бы прояснить, прежде чем вы перевернете страницу: я вовсе не по своей воле пустился в пляс на этом зловещем представлении и не осознанно, а в силу неких сакральных обстоятельств оказался причастным к этой истории.

Часть первая

Экспресс «Сапсан». Питер. Гостиница «Англетер»

Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжелую пушечную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И всё на спине. Меняется оружие!

М. А. Булгаков. Письма

Люблю Москву. До детского восторга, до страстной влюбленности юноши, идущего на свое первое свидание. Москва, Первопрестольная... Это насквозь русский город, как бы его ни старались переделать революционеры-большевики семнадцатого года или толстосумы эпохи 1990-х. Российская столица всегда возрождалась из пепла социальных перестроек, поблескивая гранями русскости, как загадочный град Китеж у Сергея Есенина.

Не лежит у меня душа к семейной идиллии, наверное, я вечный странник или нечаевский полуволок-полусобака². Ко-

² «Баллада о полуволке» – повесть В. Нечаева.

роче говоря, я вынужден был признаться самому себе, что всего дороже мне личная свобода и одиночество. Заставьте меня выбирать между семейными узами – несвободой – и вольницей хиппи, и я, не раздумывая, шагну за дверь, чтобы жить и по-цыгански; а по сути – выражение «нон-стоп!» стало моим кредо. Особенно если перед этим вы принудите меня выслушать массу чепухи о том, как мне следует поступать «для моей же пользы».

Это они, женщины, любят забивать себе голову всяким вздором, выживая его из разнообразных дамских гламурных журналов. Да, в этом я убежден. Проверено лично мной. Я и сам строчил для таких же синьоров и синьорит подобные статейки. Хотя, надо сказать, этой чепухой я баловался так, между делом. Я ведь журналист (по крайней мере, был им до настоящего времени), который довольно долго сочинял научно-популярные статьи по медицине – про стрессы, влияние запахов и про то, что любовь приходит к нам... через нос благодаря обонянию, а также о загадках геопатогенных зон, шаровых молниях и НЛО, о проблемах Бермудского треугольника, тайнах Чернобыля для популярного московского журнала «Чудеса вокруг света».

Я переключился на этот спектр безобидных тем с того момента, когда осознал, что не может журналист заниматься политикой и выдавать при этом честные, откровенные материалы. Потому что в политике ангажированность стопроцентная. Зато как репортер, специализирующийся на тайнах,

загадках и мистификациях, я оказался вовсе не плохим публицистом. Что, кстати, и дало мне возможность колесить не только от Москвы до Санкт-Петербурга, но и совершать во-яжи в ближнее и дальнее зарубежье.

В Питер я отправился по личной просьбе моего шефа, главного редактора научно-познавательного журнала. Цель командировки была рутинной: осветить работу научной конференции по проблемам стресса. Как-то утром шеф пригласил меня к себе в кабинет и заявил, что «с тех пор, как нашими читателями стали депутаты Госдумы и Федерального собрания, мы обязаны прилагать все усилия для того, чтобы помочь нашему журналу удержаться на плаву в бурном море коммерции». Страсть главного редактора к взаимоисключающим метафорам могла соперничать лишь с его любимыми разглагольствованиями на тему: «Чего изволите, наш дорогой читатель?». Шеф, посылая меня в Питер, надеялся, что я там раздобуду кое-какую сенсационную информацию на тему, интересующую не только его самого, но и большинство наших читателей. Все это в итоге поднимет рейтинг журнала и облегчит жизнь нашему коллективу журналистов и технических работников.

Тогда, в середине 1980-х, в Москве времена уже становились смутными, каждый старался найти свою нишу, чтобы не погибнуть от голода и нищеты. Ну а я устроился в научно-популярный журнал и ушел с головой в написание статей и редактирование опусов авторов, где излагались различные

туманные методики, связанные с НЛО и таинственным веществом с этих «объектов», которое излечивало человечество от всего: от злокачественных новообразований до психических недугов.

Со временем я наловчился стряпать журналистские «блюда» с завлекательными названиями: «СПИД – болезнь или надувательство, и как не стать его жертвой?», «Чем пахнет стресс», «Любовь приходит через... нос», приправляя тексты цветными иллюстрациями, которым позавидовали бы немецкие журналы «Фокус», «Штерн» или «Бильд».

Я взял себя в руки, памятуя о том, что был и остаюсь крепким мужчиной, и по старой профессиональной привычке приказал себе не вешать нос ни при каких обстоятельствах. Но некое дурное предчувствие, точно червь, точило не только мою душу, но и мое реальное нутро с жарко бьющимся сердцем.

Итак, когда я занялся научно-популярной тематикой, бывшие тучи над моей головой потихоньку рассеялись.

Но надо признать, что и такое на первый взгляд безобидное дело, как сочинение научно-популярных статей по медицине, имеет, так сказать, оборотную сторону медали. Любой ваш собеседник норовил выжать из вас наинovouю информацию, еще не ставшую достоянием широкой публики. Как, например, избавиться от хандры или поскорее залечить ушибленный на корте локоть? Как остановить старение или понизить уровень холестерина в крови? И так далее, и

тому подобное. Мой главный редактор не был исключением, так же как и читающая журнал публика: он был взят в плен остросюжетной тематикой своего издания.

А тут в Санкт-Петербурге должен был состояться международный симпозиум. Предполагалось, что на него съедутся медицинские светила и специалисты. Тема конференции была модной: «Стресс». А это «формат нашего журнала», как любил говорить главный редактор.

И вот я в Питере – городе моей студенческой юности, а иначе – альма-матер и все такое... Той весной на каждом углу рекламировалось и продавалось американское мороженое «Баскин Роббинс», а сеть магазинов фирмы «Бенетон» гостеприимно распахнула свои двери. И заокеанское мороженое, и «Бенетон» прекрасно вписывались в неизменяемую веками фактуру Питера, города, в котором, как казалось мне, не было ничего уникального, ничего особенного, выбивающегося из привычного ряда и способного бросить вызов традиционному шаблону.

Например, в Москве вы чувствуете себя в полном порядке до тех пор, пока у вас на ногах неизношенная пара добротных и дорогих туфель от «Гуччи».

Поселился я в гостинице «Англетер», что недалеко от Исаакиевского собора. И, по странному совпадению, меня определили в «есенинский» номер 5 с табличкой о том, что здесь 27 декабря 1925 года погиб поэт С. А. Есенин. Кроме того, я не знал, что скоро, в 1987 году, все эти апартаменты

вместе со зданием будут снесены взрывом, несмотря на протесты ленинградцев.

О конференции. Она проходила с оттенком сенсационности, называясь не иначе, как «Волшебный мир запахов». Тогда не только научная, но и далекая от мира исследователей общественность только и судачила о феромонах и тестостеронах. Так что открывающийся форум в Северной столице как будто хотел зацепить каждого из присутствующих новыми открытиями ученых и практическими результатами парфюмеров.

Устроители форума постарались на славу! Начиная с открытия в Таврическом дворце, когда на сцену вышел известный актер из БДТ и, поправив бабочку, заговорил приятным баритоном, вещая аудитории, словно гипнотизер:

– С ветхозаветных времен было известно, что запахи оказывают сильное физиологическое воздействие не только на человека, но и на все живое на нашей планете. В Древнем Египте, Ассирии, Римской империи и Элладе храмы, дворцы и дома окуривались благовониями и орошались ароматическими водами. Подобные традиции просматриваются и в храмах современных религиозных конфессий.

Такие душистые вещества, как мятные, розовые, бергамотные либо лимонные благовонные масла, могли изменить пульс сердца, ритм дыхания, повлиять на зрение, слух и в итоге – на самочувствие человека.

Если приятные ароматы действовали успокаивающе, то

неприятные, отталкивающие, запахи повышали кровяное давление, учащали пульс.

Человек способен воспринять более десяти тысяч запахов. В восприятии ароматов есть и свои «бездарности», которым «медведь на нос наступил», и даже «гении». Большое внимание любителей беллетристики все еще привлекал нашумевший роман «Парфюмер. История одного убийцы» Патрика Зюскинда. Хотя речь в нем шла не о современности, а о средневековой Европе. И не о парфюме как таковом, а о человеке, почему-то родившемся без запаха, присущего людским детенышам. Такая особенность героя как бы компенсируется чрезвычайной способностью феноменального персонажа улавливать, различать ароматы и в результате комбинировать удивительные составы... На любого человека действуют свои аттрактанты (привлекающие вещества) и репелленты (отталкивающие вещества). Одни действуют строго индивидуально, на конкретного человека, другие же обладают многовекторным, или общим, началом. С помощью феромонов, которые продуцируются живыми существами, можно сделать очень многое в плане воздействия на человека или животных. Например, в сельском хозяйстве феромоны использовали в борьбе с вредными насекомыми, а аттрактанты – при искусственном оплодотворении.

Многие ученые, занимаясь исследованием феромонных каналов связи, а в особенности – механизма воздействия за-

пахов на человека, пришли к выводу: оказывается, можно создавать такие вещества, которые заставляли бы нас больше трудиться, покупать то, что нам не нужно, а по тем или иным «ароматам» человека следить за его здоровьем и выявлять недуги. И, надо отдать им должное, вплотную подступили к тайне из тайн, глобальной проблеме, из глубины седых веков волнующей человечество, – необъяснимому феномену любви. Дело в том, что изучение этой чрезвычайно важной сферы знаний объяснялось трудностями объективизации наблюдений. Тем более у тех же животных запахи – чуть ли не главный язык общения, поведения и жизнедеятельности.

На первый взгляд, технологическая цепочка в процессе обоняния на удивление проста. Одорант попадал в носовую полость, отсюда от анализатора обоняния сигнал поступал в лимбическую зону головного мозга, в так называемый эмоциональный мозг, или древний мозг – мозг рептилий...

Конференция оказалась довольно интересной. Антураж, конечно, соответствовал программе, но за ним легко угадывалась попытка организаторов навязать прибывшим на конференцию медикам – публике в общем-то достаточно беспринципной – новые лечебные кремы со своими аттрактантами (привлекающими веществами) и репеллентами (отпугивающими веществами) из чисто коммерческих соображений. Едва ли не каждого делегата в первую очередь волновало, как он выглядел в глазах коллег, какое впечатление производил. При таком подходе к делу форма стекол очков бы-

ла куда более значима, нежели вопросы природы и лечения стресса, не говоря уже о других научных проблемах. Впрочем, допускаю, что в оценке конференции и ее участников я выказал «недоброжелательность», как говорили интеллигентные люди. Я знаю, что частенько бываю недоброжелателен к согражданам, но до какой степени, выяснилось через пару дней.

Первые трое суток я старательно изображал из себя приличного человека. Днем слушал доклады, то есть дремал под монотонные разглагольствования докладчиков. По вечерам валялся в гостиничном номере, смотрел в огромных количествах фильмы. И пачками поглощал картошку фри, хотя, как заметило одно из светил медицинской науки, этот продукт со временем вредил детородным функциям мужчин и женщин, делая их бесплодными...

В этот вечер я повел себя так, как будто готовился пойти в театр. Принял душ, побрился второй раз и обильно полил распаренную кожу крепким одеколоном. Подошел к зеркалу. То, что я увидел в зеркале ванной комнаты, расстроило меня. Располневшее лицо, брыли, дряблые мышцы рук и ног, теряющие на глазах эластичность... Я дал себе слово, что по возвращении в Москву сразу же начну работать с гантелями в спортзале.

Надев свежую рубашку, я отправился в ресторан гостиницы «Астория», где разместилось большинство делегатов конференции.

Публики было немного. В дальнем углу за маленьким столиком сидел и ужинал в одиночестве мужчина, чье лицо было мне знакомо. Я встречал его в конференц-зале и даже оказался свидетелем, как он в перерыве между докладами на очередном кофе-брейке что-то с азартом доказывал одному из делегатов. Я внимательно присмотрелся к нему. Это был мужчина выше среднего роста, плотный, с животиком. В его походке, жестах и интонации угадывался человек военный. У него был резковатый, как у военного, голос.

– Эдуард Александрович Хлысталов, – представился он. – Отдел по связям с общественностью, или ЦОС, а тружусь в той самой корпорации, которая являлась спонсором конференции.

Когда я вошел в зал, он поднял голову и встретил меня вежливой улыбкой пресс-секретаря. Выпитая в номере водка, этот чертов червь, оживший после пары рюмок не то у меня в душе, не то где-то под ложечкой, и грустная перспектива провести очередной вечерок в одиночестве буквально погнали меня к тому столику в дальнем углу. Все остальное было просто делом техники.

Я представился и поинтересовался, какого мнения он о питерской кухне, и осведомился, не будет ли он против, если я присяду за его столик. Он отложил в сторону книжку в мягкой дешевой обложке и, одарив меня благосклонной улыбкой, сделал приглашающий жест. Я заказал бутылку «Хванчкары», мы растянули ее на пару часов и отправили официан-

та за следующей. Эдуард огорошил меня тем, чего я не знал в достаточной степени, а именно рассказал про загадочную смерть Сергея Есенина в «Англетере».

– Всем хорошо известна беломраморная доска на стене гостиницы, менявшей не раз свое название. Она гласит о том, что здесь 27 декабря 1925 года трагически оборвалась жизнь поэта. Все верно, кроме одного – здесь был убит Есенин, а не покончил с собой, как повествует официальная версия.

– Да что вы говорите?! Я как раз проживаю в этой самой гостинице, в этом самом номере!

Он пытливо посмотрел мне в глаза и добавил:

– Я работал следователем на Петровке, 38, будучи полковником МВД СССР. После выхода на пенсию решил сам провести расследование этого дела.

– И к каким же выводам вы пришли?

– К самым трагическим: Есенин был убит.

Мы вместе решили посетить тот самый гостиничный номер № 5, где это произошло.

Прошли к парадному входу в гостиницу, раскланялись с дежурной. Я взял ключи, и мы поднялись в мой номер.

– Здесь был одноместный номер, – сказал мой новый знакомый. – Сейчас же – двухкомнатные апартаменты на четыре места. На стояке центрального отопления, под которым стоит ваша кровать, Есенина и обнаружили утром 28 декабря 1925 года. А вселился поэт сюда четырьмя днями ранее, как приехал из Москвы.

Затем мы переместились в бар. Выпили: шесть порций шотландского виски не показались нам перебором.

Довольно поздно мы попрощались и разошлись по своим номерам в «Астории» и «Англетере».

Итак, гостиница «Англетер» располагалась на проспекте Майорова (бывший Вознесенский, д. № 10/24). К тому времени мне было известно уже многое: именно здесь ушел из жизни великий русский поэт Сергей Есенин (тогда, в последних числах декабря 1925 года, в ленинградских, московских и центральных газетах пронеслась информация с «желтым» акцентом о том, что здесь от тоски, заблуждений и одиночества повесился недавний пациент клиники для душевнобольных, злоупотреблявший алкоголем скандалист, растративший свой талант на кабаки и девиц сомнительного поведения).

Рассказанное Э. А. Хлысталовым потрясло меня. Я долго лежал с открытыми глазами и смотрел в окно, изредка переводил глаза на ту самую вертикальную трубу центрального отопления, где якобы нашли в петле тело Сергея Есенина. Время от времени темную комнату озаряли вспышки красного и голубого света рекламы, проникавшего сквозь окно.

Заснуть я не мог. Я должен был куда-нибудь уйти. Захватив с собой ключ от номера, чуть ли не бегом пересек холл и, не дожидаясь лифта, бросился вниз по лестнице. Я почти летел, перепрыгивая через три ступеньки. Выскочил на улицу.

Я бродил по городу без устали, бродил, не осознавая, где

нахожусь и куда направляюсь.

Через несколько часов небо на востоке начало светлеть. Появились первые прохожие – рабочий люд в серых безликих одеждах, потом – молодые люди, парни и девушки, и, наконец, заспешили на службу важные клерки в рубашках и галстуках.

Я поймал такси и отправился назад в гостиницу.

Отпер дверь гостиничного номера. Постель была убрана с такой тщательностью, с какой хорошие секретарши вылизывают свое рабочее место. Я взялся было за телефонную трубку, но тут же опустил ее. Уселся в кресло, уставился в окно и просидел так, наверное, с полчаса. Затем позвонил вниз и заказал крепкий кофе. Когда мне принесли его, я выпил целый кофейник. И вновь принял душ. Несмотря на бессонную ночь, сна не было, что называется, ни в одном глазу.

О том, чтобы идти на конференцию, и речи быть не могло.

Пару дней спустя на Ладожском вокзале я вошел в салон ослепительно-белого экспресса «Сапсан», как будто поднялся на борт самолета, и отправился из Питера в Москву. Меня мучила мигрень; прежде я не подозревал, что головная боль может достигать такой силы. А все из-за санкт-петербургского кофе (я его выпил чересчур много), не дававшего мне заснуть, и рассказа полковника с Петровки Эдуарда Хлысталова. Ничего подобного о гибели поэта Сергея Есенина я не знал.

Всю дорогу до Москвы я только и размышлял о том, что

рассказал мне полковник. Когда мы прощались, то обменялись визитками и договорились встретиться в Москве.

Но самое поразительное было в том, что Хлысталов всучил мне после закрытия конференции два пакета с документами, письмами и бумагами, назвав их «есенинскими». Я так и не открыл бандероль. Сверток был для меня чем-то вроде амулета на счастье. Я не выпускал его из рук и, следуя наставлениям Хлысталова, никому не обмолвился о нем ни словечком. Мало-помалу у меня стало складываться впечатление, что этот сверток будет оберегать меня от напастей – правда, каких, неизвестно – до той поры, пока я держу его при себе и не пытаюсь вскрыть.

Именно тогда я впервые подметил за собой склонность к мистико-эзотерическому мышлению – это было новоприобретенное свойство моей натуры (всю жизнь я полагал, что подобные вещи чужды и даже противны мне). С тех пор я начал анализировать свои эмоции и поступки, наблюдая за собой как бы отстраненно. Однако я отдавал себе отчет в том, что другое мое «я» ищет утешения, своеобразной тихой пристани, блуждая в виртуальных лабиринтах моего сознания.

Путешествие назад, в Москву, было крайне бедно на события. Отмечу лишь два не связанных между собой происшествия.

В экспрессе я решил послушать музыку в надежде, что это хоть немного уменьшит головную боль. Надел наушники

и принялся искать подходящую программу. Сначала попал на передачу для детей, а потом – на классическую музыку, где голос ведущего (английский язык с французским акцентом) предложил слушателям попурри из произведений Чайковского.

Я прикрыл глаза. Волны музыки затопили мозг. Вместо того, чтобы следовать, как положено, одна за другой, темы и мелодии устроили настоящую битву, сражаясь за место в моей голове. Едва начинала звучать очередная, как предыдущая возвращалась и с яростью набрасывалась на соперницу, пытаясь столкнуть ее с тропы. И тут же возникала новая тема, оттесняя две другие. Мои мысли, точно дети, соперничали между собой, завоевывая внимание к себе.

Перед моим мысленным взором представали скульптуры, изваянные из камня и отлитые в бронзе. Я видел изображения олимпийских богов, бюсты неизвестных мне мужчин, статуи женщин. Там были скорбные лики мучеников и пышущие весельем физиономии эпикурейцев, лица погруженных в раздумья философов и разъяренных битвой воинов. Все они попадали в поле моего зрения, проносились сквозь меня, падали и взлетали под разными углами, порождая хаос, в то время как сражающиеся звуки сплетались в моем мозгу в некий фантазмагорический звуковой фон этого хаоса...

Второе событие произошло на Ленинградском вокзале в Москве.

Тут я разглядел его – этого человека в черном. Он был с длинным «лошадиным» лицом, бледен, с рыхлой кожей человека неопределенного возраста. И еще я отметил, что он как-то странно одет – слишком много всего на него было напялено. Конечно, каждый волен носить, что ему заблагорассудится, но есть же понятие здравого смысла.

Проведя значительную часть жизни в переполненных аэропортах и на железнодорожных вокзалах и отстояв свое в очередях, я научился не обращать внимания на окружающих, даже если они дышат прямо в затылок. Но здесь был другой случай. Его присутствие выводило меня из себя, как, наверное, выводит вас из себя – даже если вы не являетесь закоренелым кошконенавистником – кошка вашего друга, которая во что бы то ни стало хочет потерять спинку именно о ваш стул. Во-первых, мне бросилось в глаза, что человек в черном не был обременен никакой кладью, тогда как у любого из нас в руках был чемодан, сумка или хотя бы портфель. Во-вторых, несмотря на жару и давку, он не выказывал никаких признаков беспокойства. Он был олимпийски спокоен и невозмутим.

Словно из ниоткуда появился этот странный субъект. Неожиданно я очутился лицом к лицу с человеком в черном. Наши взгляды встретились. Мои глаза налились кровью. А у него глаза были узкие-узкие, я таких в жизни не видел. Ну прямо щелочки! Вдобавок к этому – очки с такими толстыми стеклами, что, если только не смотреть на него в упор, кажет-

ся, будто у него отсутствует кусок щеки. Он улыбнулся мне холодно, но не без фамильярности. В данной ситуации эта улыбка была совершенно неуместна. Затем, указав на сверток, который я держал под мышкой, он произнес с сильным акцентом, выдававшим его прибалтийское происхождение:

– Документы, реликвии, артефакты?

– Эпистолярный жанр. Переписка моей бабушки с другой бабушкой, – с тихой ненавистью ответил я.

– Прибыли издалека?

– Из Северной Пальмиры, – бросил я.

– Вот и я тоже, – кивнул он.

Минуты две он молчал, а потом опять заговорил:

– Мы знаем, что документы у вас.

Я сделал вид, что не расслышал его слов. Он продолжал:

– Я собираю букинистические книги, а также автографы великих мира сего. Торг уместен.

– Ну-ну, – рассеянно буркнул я.

– Быть может, вам попадались такие? – спросил он.

– Нет, – сказал я.

– Вы вообще читаете что-нибудь?

– Иногда. А так – киноман, блокбастеры, желательно голливудского производства! – отрезал я.

– Да-да, конечно, – кивнул он. – Все правильно. Я тоже предпочитаю иметь дело только со знакомыми источниками.

Общение с узкоглазым очкариком взбесило меня в буквальном смысле слова. Таскать под мышкой насквозь про-

пыленную рухлядь и то приятнее.

Я одарил очкарика одним из своих самых убойных взглядов. Но он не дрогнул.

– Вы случайно не знакомы с Есениным? – не унимался прибалт.

– Есенин? Не знаю такого! – бросил я.

Медленно, боясь всколыхнуть ярость, я повернулся к очкарику спиной.

Когда я позволил себе обернуться, бросить, так сказать, прощальный взгляд на своего недавнего собеседника, которого едва не убил в запальчивости, его и след простыл.

Я внимательно всмотрелся в цепочку сердитых пассажиров, но так и не обнаружил своего очкарика.

Это меня настолько удивило, что я тут же обратился к шедшему за мной толстому парнишке в дурацких шортах:

– Куда, черт побери, подевался тот тип в черном пальто?

– В черном пальто? – переспросил парнишка и, обойдя меня, устремился к свободному в тот момент проходу.

Пропал куда-то...

Константиново есенинское

*Был у нас в селе праведный человек, отец Иван.
Он мне и говорит: «Татьяна, твой сын отмечен
Богом».*

Татьяна Федоровна Есенина, мать поэта

Эти встречи произошли независимо одна от другой. Случайно. И до поры вспоминались по отдельности. Но вот как-то всплыли разом и взволновали меня.

* * *

И вот случилось! Побывав в Ленинграде, где погиб русский национальный поэт Сергей Александрович Есенин, я отправился к нему на родину, в Константиново.

Я еду к Есенину, еду впервые...

И вот я в Константинове... Над лесом возрождалась луна. Белеющие дорожки вели мимо берез под горку, на дальние огоньки деревенских окон. Опять, опять со мной то же чувство. Едва окажусь в поле или рядом с прекрасным человеком, молнией проносится внутри весь трепет жизни, и хочется быть талантливым и мудрым, чтобы все постичь, воплотить и отдать душу другому.

Я шел, купаясь в ночных запахах и звуках. Вот она, русская ночь, березы, бесконечная жизнь полей! И вот мы вдвоем с окружающей природой, на секунды задержанные в потоке мирового неисчислимого времени. Вспоминалась родина с дней своей колыбели, ее бег в тысячелетия, вспоминались князья, бояре и безымянные мужики да бабы, которых никто не отметил в летописях. Хотелось обнять эти белоствольные березы, прилечь на высоком берегу над Окой, куда не раз выходил Сергей Есенин, в своем молодом задоре уверенный

в том, что он станет успешным и знаменитым! Он непременно будет известным на всю Россию, его будет знать «всяк сущий в ней язык», а паломники будут приезжать сюда, чтобы пытаться отыскать его следы, ходить по траве, смотреть на окружающее с тех же тропинок и думать, как он, по-есенински...

И я молчал, поскольку лишние звуки только разрушали фантастическую картину, ее виртуальную данность...

Как только я повернул к косогору, то увидел берег, глинистую дорогу к деревне, где жил Есенин, откуда стартовал его поэтический дар. У меня в неповторимом ощущении счастья сразу защемило и заколотилось сердце, и подумалось: «Пока стоит Россия, звучит русская речь, будет Константиново, Есенин и благодарная память о поэте. Более того, пройдет хоть сто, хоть двести лет, и никого не будет, ни-ко-го – только берег, трава, Ока и где-то в земле – останки живших. И все равно Есенин, дух его, будет незримо присутствовать здесь».

Вот и усадьба барыни Кашиной. Сюда молодой Есенин ходил в гости к милым барышням. И, может, здесь обещали крестьянскому мальчику славу их милые женские глаза...

* * *

Отчетливо помню, что был выходной день, суббота или воскресенье. Конец сентября, самый зенит осеннего торжества.

Мы с женой бродили по Кончаловскому лесу.

Жена была на пятом месяце беременности, а потому мы шли неторопливо, остерегаясь, чтобы не споткнуться о мощную сеть корневищ под обманчиво ровной шубой листвы. Так же неторопливо мы обменивались фразами или вообще молчали. Перед прогулкой мы задались целью набрать огромных, причудливо изрезанных листьев редких пород деревьев, посаженных в изобилии у фасада усадьбы ее владельцами еще задолго до революции. Листья, конечно же, были роскошные, затейливо-фигурные, и поражали глаз щедрой своей окраской – от лимонной до пугающе-алой, будто застывшей крови.

Мне часто приходилось бывать рядом с двухэтажным особняком и служебными постройками за деревянным забором – и летом и зимой. Я видел усадьбу, словно утонувшую в глубоком снегу и оттого казавшуюся не внушительным домом с мезонином, а небольшой избушкой, надолго уснувшей – до весны, до талых лесных ручьев. Летом дача жила таинственной, скрытой от посторонних взглядов жизнью, соседствующей с нашей и даже входившей в нее как часть, но странным образом не имея общих точек соприкосновения и существуя независимо и невидимо для, скажем, стороннего наблюдателя из нашей среды. Но мне как-то повезло. Я оказался свидетелем редкого момента: увидел, как темно-зеленые постройки усадьбы поднялись на цыпочки, трепетно прислушиваясь к птичьему щебету и пению. До меня

явственно донесся тяжкий вздох откуда-то из глубин дома. И мне подумалось: «Войди я сейчас внутрь – и непременно окунулся бы в ожившую вдруг толпу известных владельцев дома либо их именитых гостей. А услышав голоса и звуки безвозвратного прошлого, я, наверное, не выдержал бы и потерял сознание...». От хаоса мыслей и чувств, столкнувшихся во мне, я вздрогнул, я словно стряхнул наваждение. Грез как не бывало! Дом находился в прежнем, равнодушно-созерцательном настроении, безжизненно взирая закопченной темнотой на стену леса впереди.

Пожалуй, особенностью усадьбы были наглухо зашторенные окна, а двери балкона никогда не распахивались (вероятно, заколочены).

Нынешних владельцев дачи я не знал в лицо и даже не представлял себе, как они выглядят. Слышал только, что они живут в Москве, а сам хозяин – художник, известный, правда, в узком кругу родных и близких.

За невысоким ветхим забором в длинном бревенчатом доме квартировал сторож с семьей. Их я иногда встречал в «Кончаловке», где они рубили сухостой, подбирали валежины или же косили на редких лесных полянах траву.

Посреди двора, на самом взгорке, стояла вместительная конура, возле которой лежала большая черная дворняга, редко лаявшая усталым сиплым голосом. Скошенная трава, порциями свозимая из Кончаловки, сушилась на дворе в течение всего лета, а потому даже при малейшем солнце во-

круг усадьбы гулял дурман покосного разнотравья. Напротив бревенчатого дома, у ограды, примостился аккуратненький квадратный домик, похожий на баньку. Глухая дверь и жалюзи на окнах делали строение совершенно неугадываемым: что это за клетушка, для каких целей предназначена? Впоследствии выяснилось, что это мастерская художника.

Тропинки Кончаловского леса сливались у дачи в накапанную дорогу.

Взгорок, на котором стояла усадьба, окруженная густой толпой сосен, елей и экзотических деревьев почтенных возрастов, продувался снизу легким ветерком.

Слышно было, как где-то у его подошвы по невидимому отсюда шоссе весело мчались грузовые автомобили.

Мы с женой подошли к воротам усадьбы, возле которых заметно застыла старомодная бежевая «Волга» с бегущим оленем на капоте.

– Вот удача! – сказал я жене. – Кажется, хозяева приехали.

Жена решила, что будет собирать листья, пока я побеседую с людьми, стоявшими у калитки, возможными владельцами дома.

Любопытство мое оказалось столь неистребимым, что я решительно подошел к калитке, без тени смущения поздоровался и слукавил:

– Извините, пожалуйста, бывают здесь когда-либо хозяева?

– Мы и есть хозяева, – устало отозвался пожилой скула-

стый мужчина в кепке-восьмиклинке.

Он был одет в фуфайку и сапоги.

– Вы... хозяева? Невероятно! – проиграл я дальше роль простака. – Сколько ни прохожу мимо – и хоть бы единожды с кем-нибудь встретился! Сторожа и того издали только видел.

– Мы как раз этим и озабочены, – проговорил хозяин без утайки. – Сторож наш квартиру в городе получил, взял расчет. Образовалась, так сказать, вакансия. Может, вы нам порекомендуете кого-нибудь? – Он кивнул на молодого человека, стоявшего рядом, и сказал: – Товарищ вот согласен, а его теща категорически против: дескать, тут повсюду гнезятся, как их... преступники, а потому жить родной дочери в лесной чаще она за-пре-ща-ет!

– Так и говорит, – уныло подтвердил молодой мужчина. – Сам-то я не против, а с превеликим удовольствием.

– Нафантазируют тоже: «гнезятся преступники»! Чушь ведь форменная! – с возмущением отозвалась супруга хозяйина, седая женщина в берете и фуфайке. – Да тут белки сами на руки просятся, еду берут. А преступными элементами вообще не пахнет.

Совершенно запамятовав, что передо мной владельцы дачи, я рассказал следующее:

– Вы знаете, у моего знакомого близко отсюда садово-огородный участок. Жаловался как-то: дескать, кладбище через овраг привносит свой колорит, особенно весной, когда пере-

капывается земля, а траурные марши такую тоску нагоняют, что хоть катафалк для себя вызывай.

– Неправда! – вскипела хозяйка. – Вы либо сильно преувеличиваете, либо... неудачно шутите. Здесь можно, извините, слушать тишину, а прекрасно так, что нет слов...

– Кроме того, молодой человек, ежемесячная зарплата за лишения и неудобства, я думаю, не мелочь, – многозначительно произнес владелец дома. – Бывший сторож не жаловался, был доволен всем. Абсолютно.

Спорить было, конечно же, не резон, и я поинтересовался тем, что занимало меня давно.

– Простите, пожалуйста, а почему усадьба не пострадала во время войны? Ведь здесь проходил фронт, и бои велись нешуточные.

– О-о, тут целая история, – проговорил хозяин, словно ожидал моего вопроса, и стал охотно рассказывать: – В период оккупации немцы заняли дом, кажется, под штаб, а может, под другую службу. Недалеко отсюда выжгли всю деревню при отступлении, а наш дом не тронули. Даже плетеные кресла не повредили и картины со стен не сняли. Невероятно, но факт.

– Да-да, – подтвердила супруга. – Даже картины оставили. Просто поразительно...

Трудно было понять, чего больше прозвучало в словах этой пары: восхищения перед обстоятельствами, в результате которых их дом не сгорел, или же радости собственника,

которому вернули в целости и сохранности взятую напрокат вещь. Не знаю. Но мое настроение резко изменилось. Мне неожиданно стало скучно и неинтересно.

Я попрощался с владельцами дома холодно-учтиво, уже без прежнего обостренного желания поговорить, пообщаться с наследниками исторических личностей, передавших им свои генетические программы, а значит, как я полагал, и отзвуки их великих мыслей, взглядов, поведения.

* * *

Макушка лета...

По-прежнему к деревенской пристани в Константинове причаливают белые пароходы, хотя и обмелела древняя река Ока. Приезжают теперь больше на автомобилях или в туристических автобусах с размашистыми надписями на боках: «Автолайн». Кто-то из есенинских паломников, еще блуждая на поворотах дальней дороги, мечтает о завтрашнем свидании с Константиновом, с образом великого русского поэта Есенина, думая, что задержится здесь на несколько дней, чтобы подумать о превратностях жизни, а другие, пользуясь случаем, степенно обойдут во время остановки комнаты и огород музея, купят яблок и вишен и поедут, как ни в чем не бывало, завершая оплаченное туристское удовольствие в дорогом автоэкспрессе, – счастливые, умиротворенные и философски рассудительные.

«В чем же тайна любви, печали или счастья? – размышлял я у самой воды, в дальних лугах, а то и у дома Есенина. – И кому она открывается? И отчего так внезапно и озарение радостью, и сокрушительный конец?»

Уставший и даже изможденный, я возвращался в есенинское Константиново... Мне открылась пустая длинная невзрачная улица с колдобинами. Тут неофит удивился бы простоте и несхожести заповедного есенинского села с тем, что грезилось ему по печатному слову поэта. И спрашивал тогда он себя: «Неужели это и есть зашифрованная тайна поэта – сегодня он в черемухе и яблоневых садах, а завтра в криках улетающих на время зимы птиц?».

А в доме, ступая по обыкновенным полам и принимая устроенный музейный уют за крестьянский быт, кто-то рассматривал на больших фотографиях и рисунках по-мальчишески юное, красивое лицо Есенина на фоне бережно запечатленных дорожек и крутых берегов, деревьев и огородов. Кому-то суждено молитвенно постоять и сохранить свои чувства надолго, не имея смелости и проворства передать их белому листу бумаги. Другим не терпелось в музейной тетрадке зафиксировать впечатления от встречи с виртуальным Есениным.

* * *

Я шел заливным лугом по наезженной машинами колее.

Ближе к реке дул порывистый ветер, а здесь – райское за- тишье и небольшой солнцепек. Эта часть поймы походила на дно огромной тарелки, один край которой откололи. С противоположной стороны вздыбился косогор по-над Окой. Там раскинулось Константиново есенинское. Отовсюду вея- ло покоем и отдохновением.

Сено убрано, только слева от колеи лежали потрепанные от времени валки на серо-желтых иголках стерни – целая по- лоска. У крайней из трех копешек, вставших на моем пути, приметно двигались две фигурки занятых делом людей, а ря- дом с ними неброско темнело пятно на дороге – собака. Ско- ро я обнаружил почтенного возраста пару, убирающую пере- лежалую траву, – старика и старуху. Она орудовала грабля- ми, сгребая сено в охапки, он перетягивал их веревкой и но- сил к копешкам.

Когда я поравнялся с ними, то старуха повернулась и, ткнув в меня пальцем, равнодушно приказала собаке:

– Куси его, Шапкин! Куси! – и засмеялась, показав три бело-коричневых зуба, нелепо торчавших из верхней десны.

Я остановился, проговорил досадливо:

– Эка вы, бабушка! Точно ребенок малый. Ну а укусит? Тогда сорок укулов по вашей милости принимать.

– А ты, милый, не пужайся, – шамкая, сказала старуха. – Нарошно ведь я. Шапкин ни бельмеса не слышит, потому как глухой напрочь пес.

Подошел старик, работавший поблизости, свалил с плеч

охапку сена, пожурил старуху:

– Нечего зазря науськивать. Человеку откуда ведомо, что за зверь Шапкин? – И, повернувшись ко мне, пояснил: – Тугая на ухо собачинка. Побили крепко. На манер контузии вышло со слухом-то, только глаза да нос остались.

– Почему назвали Шапкин? – поинтересовался я.

Старик охотно рассказал:

– Механизатор один привозил торф соседке, ну и пристал: дескать, продай пса на шапку, за червонец. Послал я его, конечно, куда подальше. С тех пор кобеля Шапкиным прозвали. Так-то псина ничего, смиренная. Зато ночью в огород не лезь – штаны мигом спустит.

Старуха ушла сгребать сено. А мы со стариком разговорились. Ему восемьдесят один год, а жене его, Евдокии, семьдесят третий. Проживали они в небольшой избе-пятистенке – отсюда не видно их «усадебку», схоронившуюся за другими избенками.

Хозяйство стариков небольшое: коровенка, пяток кур да петух. Дети, конечно, есть, «обойма целая», кто где сейчас. Меньшие в Рязани живут и прежде на машине приезжали.

– Помогают хоть? – поинтересовался я.

– Помогают, но изредка. Да и то ить: им хоть самим помогай – заняты по горло.

Оглядев запорошенную неубранным сеном полоску, я предложил:

– Давайте помогу.

– Коли не торопишься – давай, – охотно согласился старик.

Работа оказалась не такой легкой, как представлялось сначала. Поупражнявшись с граблями и вилами, потаскав охапки вяленого на солнце сена, я стал загнанно дышать, на ходу смахивая лившийся в глаза пот. Старик, как мне почудилось, нет-нет, а критически посматривал на то, как я усердствовал, отмечая, видно, по привычке сельского жителя, городскую мою неумелость, досадные промахи в работе. Но вот он предложил:

– Перекурим, что ли?

Я молча согласился, отложил вилы, веревку и вспомнил, что мы даже не познакомились.

– Василий Федорович Храмов, – назвался старик.

Представился и я.

– Из каких мест? – поинтересовался Василий Федорович. – С такой фамилией у нас полдеревни значилось.

– Отец из Смоленской области, мать из Хабаровского края. Сам родился под Рязанью, вырос в Сибири, теперь живу в Москве. Вот и разберись, каковский? – был мой ответ.

– Российский, значит, – хитро подмигнув, проговорил старик.

Далее Василий Федорович рассказал, как воевал в Первую мировую, за что награжден Георгиевским крестом. Застудил ноги, был ранен. Не обошла его и Гражданская война. Вновь ранение, награда. В Великую Отечественную на фронт не по-

пал, хотя просился добровольцем. В мирные годы трудился путейцем – вот и дали бронь, поручив восстанавливать железнодорожные пути.

– Лучше бы на передовую послали, – признался старик.

– Что так?

– Тяжелше, чем здесь, кажись, и не было, – горько посоветовал Василий Федорович. – Налетят фашистские «мессеры», бомбы накидают, так пути испоганят! До сей поры дивлюсь, как чинить поспевал.

За рассказом Василий Федорович вытянул мешочек, затянутый веревочкой. Кисет. Достал стопку аккуратно нарезанной газетной бумаги. Подрагивающими пальцами скрутил папироску. Закурил.

– Сколько годков минуло, а нет-нет и приснится, как руки от железа каменеют, поют на морозе, звенят, – с задумчивой медлительностью проговорил Храмов. – А я будто кую, сверлю, гайки заворачиваю, костыли вбиваю. И кажется мне, что не успею, не закончу работу...

Подошла старуха, послушала, о чем говорил муж, сказала во время паузы:

– До войны я жила в Калужской области, там деревня наша стояла. Место видное, потому Красной Горкой прозвали. Фашист и постарался, дотла все пожег. Три дома уцелели.

– Вы здесь оставались, – спросил я, – во время войны?

– А то где же? – удивилась старуха. – Да с детками. Пятеро их у меня было. Хорошо еще, что наши не дали фашистам

долго куражиться, а то поубивали бы или с голоду померли. Меньшого-то не уберегла, около плетня нашла со вспоротым животиком. Видать, подлюка какой-то на штык поддел. И чего дите малое о двух годочках могло злыдню чужеземному сделать?

– Идеология у них была такая, звериная, – подсказал я.

– А ведь не жить бы моей бабке, если бы не племянница, – вступил в разговор старик.

– Почему?

– История одна случилась, – криво усмехнулась старуха и рассказала: – Как немец драпать приготовился, так стал на Красной Горке избы сплошняком жечь. Пришел черед моей гореть. Я хватанула лопату и в сердцах на фашиста сзади наскочила. Только замахнулась, а меня кто-то со спины обхватил – и наземь. Гляжу, а это племянница, белая от ужаса, так вцепилась – не оторвать. Трясется и шипит на ухо: «Дура ты, Дуська. Перестреляют и тебя, и ребяток твоих. Терпи измывательства и не рыпайся». – Старуха помолчала, вспоминая, наверное, то далекое горькое время. – Ну а как дед мой возвернулся, то спервоначалу землянку вырыли. До осени прожили. А потом к нему в Рязанскую область переехали, в Константиново. Избу свекра подлатали – до сих пор там и живем...

После передышки вновь принялись за работу. Поставили еще две копешки, подобрали клочья сена и на этом закончили дело.

– Как сено на двор свезете? – спросил я у Храмова.

– Директор совхоза машину прислать обещал.

На прощание старики поблагодарили меня за помощь и пригласили заходить в гости, если окажусь поблизости.

– Храмовы, запомни, сынок, – наставлял меня Василий Федорович. – Спросишь – всяк тебе избу нашу укажет.

– Спасибо, – только и сказал я и зашагал прочь.

Там, где тропинка сворачивала за кусты, я обернулся. Старики походили издалека на темные столбики, будто застыли на месте...

* * *

Стояла пасмурная погода. Как и тогда, облезлой верхушкой маячила заваленная мусором церковь и пуста была площадь. На церковь, на поворот Оки засматривался я из окошка в домике с мезонином в короткую июльскую непогоду.

Кто прожил в Константинове десятки лет, а то и всю жизнь, тому непонятно: что ищут в Константинове путешественники?

Все здесь идет своим чередом. Кто-то доит коров, кто-то гонит повозку, запряженную лошадкой, или бежит в лес за грибами-ягодами, а ты с праздным восторгом наблюдаешь со стороны, воскрешаешь картины давно ушедшего, а какому-нибудь деду Пахому придумываешь необыкновенную, полную приключений жизнь.

Здесь я смело воображал старину, покосы, колядки, песни и почему-то – невероятно красивую деревенскую девушку...

...Я остановился в доме с мезонином. Утром просыпался и ждал, когда же наступит это необыкновенное время дежавю. В загадочные сумерки подступали самые тайные мысли, а на рассвете одиночество и растерянность пропадали сами собой, и все кругом становилось милым и близким сердцу.

«Что я, кто я? Что мне предназначено, по какой дороге пойду я, кто будет любить меня, кто ненавидеть? Почему никто не приходит ко мне, не слышит меня, почему яркий солнечный день мне терзает душу во тьме, когда я не живу, а лечу по-над облаками? – думал я. – И зачем же, в конце концов, мне эта деревенька, что пригнала меня сюда под безжалостный солнцепек, чем это закончится и откуда такой, непонятный мне, магнетизм чего-то тайного, сокровенного?»

Становилось жалко себя, напрасными вдруг казались надежды. Мечты опережали меня, одни они и обволакивали душу, только они и вспоминались в этот раз по пути в Константиново.

Не так жил, мало видел, ничего не успел. Жизнь, в общем, прошла мимо...

Вот вижу себя со стороны, в тридевятом царстве, гляжу на константиновскую горку с дальней дали: на горке стоит молодой человек в затертом пиджачке и дешевых ботинках – и этот парень то понятен мне, то нет. Это я сам, за десять лет себя подзабывший и что-то потерявший – тайное, сокро-

венное...

Странно было теперь представлять, что через пятьдесят – сто лет остановится кто-нибудь после тебя на косогоре над Окой и воскресит своим воображением наши древние дни.

По молодости я, как и другие, собирался жить вечно и думал, что никогда не кончатся для меня рассветы, я буду странствовать бесконечно по земле, без конца приезжать в это село. Оттого, наверное, не случилось свиданий за околицей с мифической девушкой (она лишь поздоровалась и тут же позабыла меня). Не гуляли мы, как водится, в счастливом флере любви по траве и близ воды не стояли.

Оттого не мог я найти слов, когда старики меня спрашивали: «А почему тебя это интересует?». В домах чистили картошку, купали детей, берегли свои семейные предания, продолжали свой род, и только у резных наличников есенинского дома никто не поджидал своих детей. Была жизнь! Была, да отшумела. Так и про нас скажут общими словами. Разве только дальний родственник или престарелый друг постоит под моим окном когда-нибудь. Скажет: «Жил такой-сякой – и весь вышел». Так было всегда, и всегда так будет.

Вот и теперь летит над лугами, над тысячеверстной зеленой русской равниной чистое небесное диво России. Да-да, тот самый мальчик из сказки, Сергей Есенин.

Так было.

Там, в конце села, измученный полуночным воображением, я думал, что и он тут стоял, и потому иначе дымился для

меня лес, и хохот девчат напоминал мне вечерние разговоры и любовь у стогов, в поле, с суеверными приметами старины, когда с неба упадет звезда или из темной заволды Оки вынырнет русалка...

Известно ли тебе, дорогой читатель, то возвышенное состояние, которое испытываешь у святого места, когда кажется, что, куда бы ты ни повернулся, сейчас тебя встретит этот великий человек, Мастер, выслушает тебя и поймет? Я надеялся на все эти фантазии, когда трясся в автобусе от железнодорожной станции Дивово, когда, возвращаясь в Москву, лежал головой к окну в вагоне пассажирского поезда. Там за сто лет без меня, наверное, многое изменилось с тех пор, как Есенин последний раз посетил свое Константиново 6 июля 1925 года.

Теперь в Константинове – раздолье для туристов и поклонников Есенина: музей, роскошный памятник великому русскому поэту. Пассажирские пароходы подходят к причалу. Когда Сергею Есенину исполнилось сто двадцать лет, тут такой праздник был! Люди съехались сюда со всего мира, со всей России.

* * *

«Я холодею от воспоминаний, – жаловался Есенину в письме Клюев, – о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики. У меня на-

копилось около двухсот газетных и журнальных вырезок о моем творчестве, которые в свое время послужат документами, вещественным доказательством того барско-интеллигентского, напыщенного и презрительного взгляда на чистое слово и еще того, что салтычихин и аракчеевский дух до сих пор не вывелся даже среди лучших из так называемого русского общества».

Может, правильно то, что Есенин не верил Клюеву, стрянул с себя его сектантскую любовь. И по-английски покинул его.

Исходив вдоль и поперек есенинские места, так и хочется воскликнуть:

– Милый Сереженька! Юность каждого русского многим обязана тебе. Твои стихи заставляют трепетать сердце, которое так и рвется из груди. Очень жаль, что так рано оборвалась твоя жизнь – певца настоящей Руси!

Самые поэтические образы русского народного творчества напоминают нам Есенина – вечного и прекрасного...

Как мало мы, русские, ценим своих певцов при жизни и как легко, в сущности, припадаем к их ногам через 50–100 лет после смерти.

Здесь все так просто. Будто приехал в деревню к дальним родственникам. В этом вся прелесть. Такое волнение, когда подходишь к домику, когдаходишь в него. Сердце сжимается, и кажется: вот-вот скрипнет дверь и войдет он, Сергей Есенин.

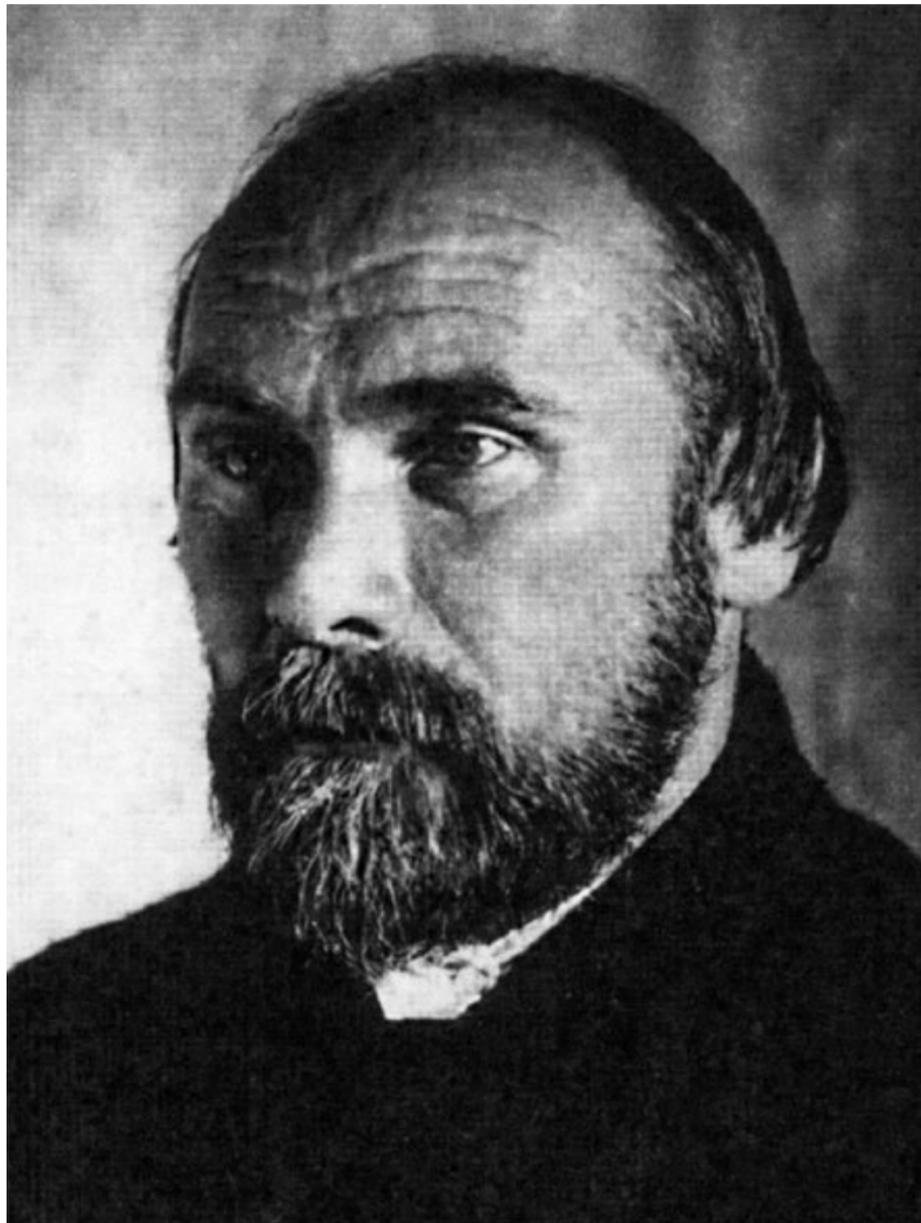
А я спустился с крыльца. Я сбежал с косогора мимо школьного сада и крикнул мальчишкам в лодке на другом берегу. Переплыл на другую сторону Оки. В лугах пахло теплой травой. Я шел, шел между болотистых ям, остановился, оглянулся вокруг и вдруг приподнялся на цыпочках, вскинул руки вверх, к небу, не то с какой-то радостью, что живу на свете и нахожусь в лугах, не то с грустью, что никого сейчас нет со мной, чтобы сказать или посмотреть с пониманием другу в глаза.

О, как далеко ушла жизнь и унесла с собой младенческое понятие о судьбе! Сначала была таинственно-простая Аня Изряднова, потом – американка Айседора Дункан, и наконец – Софья Толстая. Все они пытались утолить его сиротскую неприютность в столицах нехитрыми словами и лаской. Аня была проста и безгрешна, а он так юн и наивен, и она вспыхнула для него, самая первая и навеки любимая.

Наверное, не ритуала ради поэт Клюев обнял его крепко и стал называть братиком, голубем белым, и тот посчитал его единственно близким, а главное – тех же, только северных, корней, с окуневой реки, от часовни на бору, от хлебной печи... И как скоро перевернулась жизнь, как покружился он в пестрой смене друзей и позабыл глаза, следившие за ним в годы детства и юности. В ту пору нравились ему избяные песни, колдовство свирельной мечты, девушки-царевны, и тогда с гусярами и ржаными апостолами дальних деревенских гнезд, брезгуя каменным логовом, сошелся он по-брат-

ски в крестьянской кацавейке и удивил столицу пастушескими нарядами. И ударились они в лапотную старину и сказку. Да скоро проснулся Есенин. Сквозь скифскую вольницу и писания пращуров осветил ему дальний огонек настоящей Руси. Посветил и неудержимо повлек к себе.

Не мог и не хотел Есенин вместе с христианским братцем опрокидывать интеллигентов. Он молча простился со староверами, с их древним благочестием, и вновь подался к тем псевдоученым и расхристанным, которые жили с таким видом, будто без них и солнце не восходило.

И пошел поэт вновь скитаться и мучиться, продолжал целовать красавиц и расставался с семейным порогом, плакал и убегал, принимая за истину то, что расплывалось, как дым. Порой глядел Есенин на связавших его крепкой мужской клятвой «друзей» в мужском обличье и думал: «Ни одного-то сердечного слова они не нашли, ни одна старушка не вызывала у них желания покаянно склониться долу, и никакого Бога в душе не носили. И жили с мозгами набекрень: так бы и шлялись из клуба в клуб, из театра в театр, заваливали окурками пепельницы, пили и спорили все о чем-то далеком от настоящего дела и настоящей жизни». Нечто неосязаемое гоняло его по городам, гостиницам и дачам. Только зачем?

«Сережа, Сергунь. Серый ты мой...» – шептали женские губы, и женщины жалели его, и всегда в их голосе, в их отношении звенела та самая покровительственно-бережная нотка старшинства. Это надоедало в конце концов.

Сколько бы Есенин ни задира л нос кверху, сколько бы ни дрался, ни пил, ни матерился по-мужицки, ему все прощалось, с ним обращались как с мальчиком, как с хрупким созданием, которое можно невзначай разбить.

Да, он был мечтателем. Его поэтические строки за давностью лет стали данностью, словно иероглифы, выбитые в граните, которые сегодня и всегда вспоминались с песенной нежностью к той, которую теперь не видел в опустошающих

душу подробностях, но кого снова выдумывал, и она летела в тумане над лесами и долами. Летела в Вечность!..

Но осень, но желтые и багряные московские парки, молчание, медленные шаги по лестнице, диван, усталость, сон, и теплое касание губ, и большие глаза от слез и воспоминаний – и опять омут, детство, мечты... Опять мечты. И так без конца. Тогда он в одночасье решал: «А может, махнуть мне опять в Персию? На раскаленные камни под ногами, на роскошные восточные базары! В знойном мареве, может, встретится та единственная и желанная персиянка, Шахразада? Хотя бы мелькнет в хиджабе, обвеет духами и растает в уличной толчее, а потом приснится ночью – обворожительная мечта!..»

Откочевать в Персию, чтобы вспомнить там родину – Москву, Константиново! Примчаться к константиновским избам, чтобы вспомнить Персию! И так без конца и без остановки – бесконечное перемещение души и сердца. Успокоится ли его беспокойное сердце? Если вспомнить, то и в юности, с тех пор, как позвал его Бог к очарованию, душа не знала терпения: взлетая в поднебесье, она словно боялась упасть с высоты и разбиться. Он так дорожил дружбой, и что же: кто за его спиной, где она, родная мужская душа? «Вот умру, – думал он, – и напишут, как пили, гуляли со мной, и какие глупости я говорил, и полезут лапами в заповедники моей души...»

Прощайте, мягкие волосы, белые накрахмаленные пачки

и золотые пуанты балерин, прощайте, ветреные поклонники музыки. Явись, русское поле, тишина, простая женщина на фоне уютного деревенского очага. Но что-то нестерпимо жгучее вновь гонит поэта в столицу – с лугов и полей, с обрыва по-над широкой рекой Окой.

И вот в начале июля 1925 года он посетил Константиново в последний раз в своей жизни.

«Так особо мы к нему не липли: дескать, Серега и Серега! Парень был веселый, не сказать чтобы очень озорной, но не лапша, в деревне лапшой быть – заклюют, сами знаете. Шалун он был, да и хулиган», – вспоминали константиновские односельчане.

Солнце давно уже ушло за горизонт. Месяц уже висел ярко ослепительным диском над деревней. Ходили раньше под ним девицы по воду и, окуная ведро в белые блики на реке, загадывали на тех, по кому вздыхали. Не мог я сейчас не вспомнить о них и о песнях, всеми забытых. Да. Ходили по воду и верили месяцу, благословляли его слабый любовный свет. Верили звездам, воде. Полноводная река Ока. Тихая путеводительница, всех пережившая, отдавшая в изгибистые рукава воды прежние и влекущая воды свежие. Река точно стоит и дремлет. Завидно месяцу, воде и звездам: они никогда не устанут в своем движении.

Что чаще всего хотелось к ночи? Хотелось сложить хорошую песню и хотелось настоящих слов. Хотелось сесть в лодку и плыть по ночной белой ленте – лунному блику на Оке –

мимо задремавших стогов и причалов из мокрых досок. Хотелось думать о тех, с кем уже не увижусь на этой земле. О тех, кто спасал одним своим присутствием в этом мире. Не все удавалось из того, что намечалось в сладком отрочестве и завораживающей юности. Рассеяны мы нынче по городам и весям, наверное, скучаем друг без друга и шлем такие короткие эсэмэски, которые в век почты и не снились. Да и не нужна нам всем такая откровенность: она принадлежит совестливым, чистым и честным. Да и бог с ними – успешными и достойными в этой жизни, с их счастьем, дипломатией, интригами. Кому что дано от природы, то и выпирает наружу.

Да лучше мы век будем сдавать бутылки и банки из-под пива, но зато раз-другой мы потянемся пешком в Верею, а затем – в Боровский Пафнутьев монастырь – вдоль Протвыреки, любуясь куполами сорока сороков, исконно русской окраиной и пронзительно красивыми русскими лицами, жалея лишь о том, что мало отпустил Бог времени и таланта, чтобы с гениального простотой и мудростью удалось бы воспеть то, чему мы молились до слез.

Стоял я на косогоре по-над великой Окой и желал всем людям вокруг негромкого счастья и безмерного радости.

А за день до отъезда я шел с полей в Константинове и прощался со всем есенинским. Стоял пасмурный денек, один из тех тихих печальных дней осени, когда даже походка человека становится задумчивее.

Осень пришла, пора отправляться домой и неусыпно про-

должать жить, чтобы жить. Осень пришла на эту, дорогую мне рязанскую землю, и я шел, покорный природе, что-то напевал, рассуждал о чем-то мимолетном и словно летел опять куда-то.

А осень-то все-таки пришла...

Я уйду далеко по улице, а она еще бредет, будто стуча колотушкой, от двора к двору, с шумом цепляя подолом траву. Мы бы всё-всё почувствовали, глядя на них, мы бы со слезами на глазах шли к их воротам от самого края земли. Шли бы и думали: «Это еще оттуда... из его, Сергея Есенина, времени... Это еще та, наша берестяная Русь...»

Постфактум

В тот последний год своей земной жизни Есенин появился в деревне шестого июля. От станции Дивово он шагнул наверняка пешком. Он не любил ждать. Ждать попутной телеги на родине тем более было невыносимо. Шел он полями, торопился, как никогда: на возвращение в родные пенаты возлагалось столько надежд. Что-то взволнованное нахлынет, обрадует, а затем в мучительном ожидании отпустит. После бурлеска ожиданий экзотики Древнего Востока опять та же луговая, со сквозными березовыми рошицами, сторона. Опять это дежавю!

И такая метаморфоза: шагаешь, а самому кажется – ты это и не ты, вчера еще путешествовал с боязнью к Москве, про-

стой и никому ненужный. Тогда некому было встречать его в столице, а нынче все зовут, лезут в друзья, просят написать письмо. И что занимательно: в Константиново его слава поэта просто ни к чему – односельчанам не до его поэтического дара.

Я то глядел из комнаты в окно на угол старой барской усадьбы, то бродил по деревне. Робко заходил в избы и заставал в сборе почти всю семью, с хозяином и внуками, и объяснялся, все надеялся: авось скажут интересное про Есенина. Вопросы мои как бы нарушали обыкновенный ритм жизни хозяев, и я боялся помешать им.

«Да, знавал я Сергея Александровича, как же, – откладывал хозяин ложку и просил у жены полотенце, – помню, как сегодня это было...»

Грустно от слов односельчанина, и человек этот казался мне древним ископаемым, особенным, – и все из-за того, что был просто соседом поэта. И с портретов в доме-музее на меня глядел нежный мальчик. Как будто с борта машины времени я оглядывался на то далекое и близкое время, на зеленые луга, избы, разбросанные у Оки. Там, на полуострове, возле Старицы, белели на шелковой траве бабьи платки и сверкали потные мужицкие спины. С высоты и правда обрелось ощущение старинной картины, писанной самим Репиным. С черного ночного неба падали звезды на землю – девицы мучились в преддверии своего женского счастья, когда очередная звезда падала в колодец или в тихие воды Оки

– тогда выходили девицы замуж.

А когда Есенин шел от станции Дивово уже после заморских скитаний, то душа его возвращалась к старому чистому чувству, и пролетали перед ним несусветные образы – возникали ажурные мосты, ставились исписанные золотом кресты, развешивались шелковые ковры, и за руку вел кто-то красавицу-девицу под венец...

Ока неохотно поворачивала от громадного косогора, вытягивалась вдоль крутых и пологих берегов, мимо разбросанной рядом с ложей реки деревеньки, где испокон веков жили-были его земляки и землячки.

Солнце опускалось за полноводной Окой. Покраснели крыши, стекла окон домов, сливались с дорогой сады, избы – законным хозяином вступала в свои права ночь... Взошла и упала в Оку луна, волны катили ее, но унести не могли...

И вдруг – видение! Я воочию разглядел Сергея Есенина, стоявшего у калитки родного дома. В последний раз в своей жизни...

...Он спал в ту последнюю ночь крепко, как всегда в деревне. А перед сном он увидел за окном, как высоко кралась над косогором луна, и снова было так тревожно-радостно вокруг, что хотелось кого-то позвать. Он столько раз прощался и с любовью, и с молодостью и ставил точку, но вдруг наступала его свершившаяся мечта. И он летел дальше – к новым высотам, к новым достижениям.

Вот здесь я уже был, а может, мне кажется – навязчивое

дежавю. Посреди улицы, в тумане, в полночь. Вон там, в магазинчике, я покупал рыбные консервы и бутылку водки, чтоб попрощаться с хозяевами Храмовыми, у которых я снимал жилье.

Чем отличаются похожие луга и поля в России от этих, есенинских, под Константиновом? Внешне ничем, скорее всего, здесь особый дух места, или гений места, – чего нет где-то в других полях и сквозных рощицах. Вот почему тут затмило сознание, а я воочию увидел и услышал великого поэта России. И, наверное, поэтому я не смог и не захотел представить великого поэта в обыкновенной одежде...

* * *

Все эти встречи взволновали меня, наверное, своей резкой непохожестью, даже взаимной исключительностью, что ли.

От усадьбы в Кончаловском лесу до избенки Василия и Евдокии Храмовых в Константинове всего сто – сто пятьдесят километров. А вот убежден, что никоим образом не могли сойтись Храмовы и владельцы поместья в ту лихую годину войны на передовой или же сегодня где-нибудь поблизости. Ну а если повстречались бы, то, скорее всего, разошлись бы, не найдя ничего общего друг с другом, хотя и изъяснялись на русском языке. Так далеки они были, разъединенные незримой полосой отчуждения, имя которой – кастовость.

Проста и естественна любовь Храмовых к Отчизне нашей, которая складывалась не из удачно подобранных фраз, сказанных к месту, а которая будто накапливалась у них по кристалликам соли от пота, каплям жертвенной крови наших предков, трудившихся здесь испокон веков и оборонявших рубежи государства Российского. И благодаря Храмовым целостна земля наша, а народ русский независим и самостоятелен.

А потому низкий поклон вам, Храмовы, и многая лета!

Танцующая Айседора

3 октября 1921 года Сергей Есенин познакомился со всемирно известной танцовщицей Айседорой Дункан, которая приехала в Советскую Россию учить детей новому направлению в танцевальном искусстве. Сорокалетняя танцовщица полюбила поэта страстной, самозабвенной любовью. Они поженились.

Дункан решила после свадьбы увезти Есенина за границу. Формально выезд Есенину был разрешен на три месяца для издания своих стихов. Пробыл он за границей более года. Дункан все делала, чтобы он не возвращался домой, но поэт тяжело тосковал вдали от Родины.

«...Я увезла Есенина из России, где условия жизни пока еще трудные. Я хотела сохранить его для мира. Теперь он возвращается в Россию, чтобы спасти свой разум, так как без

России он жить не может. Я знаю, что очень много сердец будут молиться, чтобы этот великий поэт был спасен для того, чтобы и дальше творить Красоту...» – делилась она в газетах.

Есенину решение вернуться давалось нелегко.

Серей Есенин и Айседора Дункан

И все-таки он возвращался. Возвращался другим, каким его никто еще не знал. Он вез с собой поэму «Страна негодяев». Ее уже слышали, ее содержание возмущало даже друзей.

Мэри Дести, биограф Дункан, провожала их в Москву. В своей книге писала: «Когда поезд, увозивший Айседору и Сергея в Москву, тронулся от платформы парижского вокзала, они стояли с бледными лицами, как две маленькие потерянные души...». Есенину оставалось жить два года с небольшим. Они будут для него самыми тяжелыми, но они же станут для поэта взлетной полосой в бессмертие. По возвращении в Москву Есенин развил бурную деятельность, стал хлопотать об образовании издательства, где бы печатали произведения российских писателей и поэтов, подписывал коллективные письма в правительство, объединял вокруг себя крестьянских поэтов. Вполне естественно, он оказался под пристальным вниманием сотрудников ГПУ.

Заговор. Действие развивается

После публикации своей книжицы «Тайна гостиницы Англетер», посвященной Есенину (1991), Э. А. Хлысталов совершенно однозначно сформулировал некое кредо для есениноведов, проводя, впрочем, твердую линию на отыскание истины, которую он непритязательно вывел сам:

«Наш долг – окончательно снять завесу с тайны гибели Есенина и смыть черную краску, толстым слоем наляпанную на честь и достоинство русского национального поэта. Время неумолимо. Сумасшедшая эпоха выдвигает все новые и новые ценности и тут же их отбрасывает. Остается только

подлинно ценное. Среди таких подлинных ценностей – поэзия Сергея Есенина. В нашей памяти он навсегда останется молодым, красивым и непокорным, так рано положившим голову на плаху. Да святится имя его!...».

Несмотря на все усилия вывести Есенина из истории с убийством, все снова и снова возникали теории и слухи, что Есенин умер неестественной смертью. Следователь Хлысталов, специалисты-медики, неутомимые есениноведы, проанализировавшие гибель Есенина, разделились на два лагеря: тут – инсценировка суицида, там – самоубийство поэта. Поскольку преступники неизвестны и мотивы убийства до сих пор кажутся загадочными, то многим исследователям не оставалось ничего иного, как оставить открытым вопрос о трагическом конце поэта.

Есенин, убегая из Москвы в Ленинград от грозившего ему суда и вездесущих чекистов, не мог остановиться в «Англетере». Это все равно что добровольно отправиться в крошечный ад вместо рая. В городе на Неве у него было немало добрых знакомых, которые наверняка рассказывали ему об особом режиме в доме по адресу: проспект Майорова, 10/24.

Имея богатый опыт одурачивания гончих службистов, на этот раз он тем более не мог рисковать³. Декабрьская телеграмма Вольфу Эрлиху⁴: «Немедленно найди две-три ком-

³ Эдуард Хлысталов. Тринадцать уголовных дел Сергея Есенина. М., 1994.

⁴ Вольф Иосифович Эрлих (1902–1937) – русский советский поэт. В 1925 году занимал «чекистскую» должность ответственного дежурного Первого дома Ле-

наты» – это, скорее всего, фальшивка, которую он якобы получил от поэта, а в действительности она нужна была ему для алиби. Ни один документ, как читатель мог бы убедиться, не подтверждает проживания Есенина в «Англетере». Доказательств этого предостаточно.

Если следовать официальной логике, то нужно проверять данный факт архивными материалами, поскольку обнаруживается следующая странная картина: поэт поселился в пятом, самом захудалом номере гостиницы, где нет не только ванны, но даже чернил; комната отгорожена шкафом от смежного большого помещения, в котором до 1917 года находился большой аптечный склад (данные из контрольно-финансового журнала); ближайшие его соседи – сапожник, парикмахер и даже сумасшедшая чета Ильзбер.

Московский гость живет «по благу», не прописываясь. Такая вольность исключалась, напоминая о записке (1925 г.) заместителя начальника местного ГПУ И. Л. Леонова в отдел коммунального хозяйства с просьбой поселить в «Англетере» своего агента, которого прописывают и после всех канцелярских формальностей поселяют.

И вот представьте себе картину: всемирно известный человек сидит отшельником четыре дня (в период рождественских праздников) в своей англетеровской обители (в номере

нинградского Совета. Расстрелян в Ленинграде 24 ноября 1937 года. 4 апреля 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован «в связи с отсутствием в его действиях состава преступления».

5), никуда не выходит, встречаясь с совсем незнакомыми ему людьми и с тремя-четырьмя персонами, которые ему в друзья не годятся. Поскольку наступили рождественские праздники, то, согласно мемуарной лжи, Есенин устраивает пир с водкой, закусками и нафаршированным гусем. И чуть ли не десяток гостей потчуют себя из многочисленных графинчиков с водкой и бутылок с шампанским. А сам московский гость в это время дрыхнет пьяный на кушетке с зажатой в зубах папироской. Конечно же, сработано топорно, грубо.

Посудите сами. «Гостиницы для приезжающих торгуют, как обычно, – информирует 24 декабря 1925 года "Новая вечерняя газета", – но без продажи пива и крепких напитков».

Далее. Событыльники, заправившись всем этим добром, расходятся по домам, а поэт, обуреваемый хандрой, режет себе вены на правой руке и даже ладони и плечо (протокол милиционера Горбова), пишет предсмертные стихи кровью. Затем вскарабкивается с двухметровой веревкой от американского чемодана на сооруженную высокую пирамиду на письменном столе. Это после-то сильного кровотечения! Затем обматывает шею веревкой (лишь полтора раза), будто шарфом, и, пристроив конец веревки на вертикальной трубе отопления, заканчивает свою жизнь на бренной земле.

Дальнейшее известно. Не слишком ли много в этой трагедии «случайностей» и штатных и нештатных сотрудников ГПУ? Только сравнительно недавно стало известно, насколько плотно они (Берман, Дубровский, Медведев, Эрлих и др.),

как коршуны, кружили вокруг да около пятого номера «Англетера». Следы запланированности кощунственного надругательства, а также попытки его сокрытия – налицо.

О Троцком (вдохновителе) и Блюмкине (исполнителе), личностей которых авторы касаются походя, ленинградские журналисты и литераторы пишут однозначно: «Троцкий был политиком общительным и, видимо, вполне миролюбивым человеком, серьезным и образованным».

В то же время любая биография, сконцентрировавшая свое внимание исключительно на Есенине, не замечает иных фактов и особенностей характера лиц, окружавших поэта и игравших в его жизни важную роль, что особенно относится к его последним месяцам и дням. В самом прямом смысле это известные персоны: «литературный мальчик» В. Эрлих, супруги Е. и Ф. Устиновы, Ушаков, Измайлов и другие мнимые друзья.

Убийство Есенина, может быть, так и осталось бы загадкой, если бы прекратились поиски возможных преступников и мотивов убийства.

А пока все указывало на то, что в известном смысле как поэма «Страна негодяев», так и неосторожные высказывания поэта о властях предержавших, и даже возможный отъезд из Ленинграда с последующей эмиграцией за рубеж (например, в Англию) стали проектом некоего возмездия, что сразу наталкивало на мысль о спецслужбах.

Яков Блюмкин

Но здесь вставал вопрос: почему же покусились на жизнь именно Есенина, а не кого-то из его окружения? Это можно было объяснить, если взять за основу мотив личной вражды между Есениным и тем же Блюмкиным – убийцей посла Мирбаха. Блюмкин со товарищи для многих был и оставался ключевой фигурой, потенциально способной на то, чтобы запланировать и совершить убийство поэта.

Но при этом прежняя биографика забывала напрочь хотя бы взглянуть на «литературного мальчика» В. Эрлиха. Как писал в воспоминаниях литератор М. Райзман: «Вольф Эрлих был честнейшим, правдивым, скромным юношей. Он романтически влюбился в поэзию Сергея Есенина и обожал его самого. Одна беда – в практической жизни он мало что понимал». В этой характеристике – ни слова правды. В практической жизни Эрлих разбирался на «пять с плюсом». В 1925 году секретный сотрудник ГПУ, конечно же, «за особые заслуги» получил две комнаты в доме № 29/33 по улице Некрасова (Бассейном). Кстати, Есенин и угла от советских властей не дождался. «Красная газета» первой поместила информацию о смерти Есенина 28 декабря 1925 года. Из «Дневника» критика и настоящего друга Сергея Есенина, Иннокентия Оксенова: «Вчера около 1 часа дня в "Звезде" я услышал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался. Затем я поехал во Дворец Труда; заседание кончилось в 2½ часа, и у ворот я купил "Красную"⁵ вечерку. Хорошо, что

⁵ «Красная газета» издавалась на широкую ногу, бесплатно распространялась

мне попался экземпляр с известием о смерти, иначе я в этот день до вечера ничего не знал бы». Надо отметить, что оперативность работы участников «заговора» – фантастическая и потому крайне подозрительная.

Газета «Правда» и другие СМИ сообщили дату и время вскрытия пятого номера «Англетера» – 28 декабря, 11 часов. При старой полиграфической базе, сложной организационно-технической практике выпуска газеты, необходимости ее транспортировки, за такой немислимо короткий срок (2–2,5 часа) издание не могло дойти до читателя. Очевидно, Е. Устинова (Рубинштейн) знала об убийстве Есенина уже поздно вечером 27 декабря (воскресенье) и приготовила заранее материал для печати.

по всей стране. (В 1919 году тираж поставляемой в провинцию газеты составлял более 60 миллионов экземпляров!)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.